

материала. Она в большей степени показывает результаты, выводы, полученные в ходе исследования, а не сам топонимический и антропонимический материал.

К сожалению, в книге допущены терминологические ошибки и некоторые неточности.

Автором не различаются понятия «топоним» и «географический термин» (с. 11, 34), пожни названы «оронимами» (с. 25, 45). Вместо терминов «имя» (*Якушко Кузнец* и др. – с. 19) и «фамилия» (*Кожевник, Кузнец* – с. 21) лучше было бы употреблять термин «антропоним». Выражение «имя и фамилия служили географическим термином» (с. 33) неверно по существу и стилистически.

Одно и то же название д. Тюлелиево упоминается среди русских (с. 26) и нерусских (с. 31) топонимов; название поч. Якимка Ижитпелева (с. 29) дано в списке русских поселений, а поч. Гаврилки Третьякова сына Минина оказывается в списке поселений с нерусскими именами (с. 31). Неясно, какой ландшафт, флору или фауну отражает топоним д. Пятигорт (с. 41).

Высказанные замечания не умаляют достоинств рецензируемой работы, которая наглядно и убедительно показывает историю русского освоения Чердынского уезда и процесс становления и развития топонимической системы одного из интереснейших регионов Урала.

Т. Н. Дмитриева, канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург)

Русская ономастика в энциклопедии славянской ономастики

Słowiacka onomastyka: Encyklopedia: W 2 t. Warszawa; Kraków, 2002–2003. T. 1. – 535 s.; T. 2. – 616 s.

Славянская ономастика давно нуждалась в обобщающем труде справочного характера, который мог бы стать и итоговым обзором достигнутого в различных славянских странах, и поводом для размышления о перспективах развития одной из отраслей лингвистики. Энциклопедия славянской ономастики, вышедшая в Институте польского языка Польской Академии наук под редакцией Е. Жетельской-Фелешко и А. Чесlikовой при участии Е. Думы, сделала заявку на решение этой задачи, объединив в двух весьма солидных томах выполненные ономатологами всех славянских стран обзоры научных изысканий по различным вопросам ономастики, один перечень которых уже впечатляет. Приведем основную рубрику энциклопедии.

Первый том:

1. История ономастики.
2. Теория ономастики.
3. Методы исследования и их эволюция.
4. Ономастическая терминология.
5. Состояние исследований.
6. Этимология собственных имен.
7. Дославянские и славянские имена собственные.
8. Иноязычные влияния: субстратные, адстратные, суперстратные.
9. Имена собственные в пограничных районах (этнических и языковых).
- 10–13. Антропонимия (имена, фамилии, прочие).

Второй том:

14. Названия деревень и городов (ойконимия).
15. Местные названия (микротопонимия, анойконимия).
16. Названия гор (оронимия).
17. Водные названия (гидронимия).
18. Названия внутригородских объектов (урбо-/урбанонимия).
19. Названия животных (зоонимия).
20. Хремотонимия.
21. Имена собственные и социальная проблематика.
22. Имена собственные в художественной литературе.
23. Имена собственные и проблемы религии.
24. Изменения в онимии XX века.

Обозначенные проблемы получают свое освещение для каждого из славянских народов на его собственном языке (исключение сделано только для славян, проживающих в Германии, которые пишут по-немецки).

В кратком вступлении, принадлежащем перу Е. Жетельской-Фелешко, подчеркивается, что это «первое на сегодняшний день систематизированное описание и анализ как современных, так и древних имен собственных, существующих в славянских странах» (с. XVIII). Общесистематизирующий тон подчеркивается и теоретическим пафосом вводной статьи Рудольфа Шрамека «Ономастическая теория в славянской ономастике» (с. XXX–XLIII), хотя видный ученый не предпринимает очередной попытки сформулировать постулаты общей теории ономастики, а лишь фиксирует свою позицию в оценке общего состояния славянской ономастической науки. И в целом очевидно, что систематизации подвергается не столько онимия, сколько взгляды на нее, что естественно, поскольку систематизация славянских собственных имен потребовала бы не двух, а многих томов. Заданный объем каждого раздела (несколько страниц, чаще всего не более двух-трех) диктует составителям либо краткий обзор, либо обращение к произвольно выбранным трудам на ту или иную тему.

Несомненно, изданная энциклопедия не раз еще станет объектом серьезного и вдумчивого анализа. Мы же обратимся лишь к вопросу об охарактеризованном в энциклопедии состоянии русской ономастической науки, просматривая ее русские главы, автором которых является профессор, доктор филологических наук А. В. Суперанская.

История ономастики. Судя по текстам, представленным в энциклопедии, история ономастики понимается как история внимания к собственным именам вообще. Российский автор сводит вопрос об изучении собственных имен к проблеме подачи их в толковых словарях, как литературных (начиная со «Словаря Академии Российской»), так и диалектных. Поскольку, по справедливому замечанию обозревателя, имена собственные в указанные словари не включались, делается весьма неожиданный вывод о том, что имена собственные остались «вне поля зрения филологов, у которых постепенно сложилось мнение, что имена собственные не заслуживают особого внимания, не нуждаются в лексикографировании и едва ли чем отличаются от прочих слов» (с. 12). Совершенно непонятно, каким образом автор постиг, что именно такое мнение о собственных именах сложилось у русских филологов. И что значит: «едва ли отличаются от других слов»? Почему же онимы тогда не включали в словари наряду с этими самыми «другими словами»? И почему невключение имен собственных в словарь апеллятивной лексики кому-либо может помешать воспринимать их специфику? Скорей уж наоборот – именно придание именам собственным особого статуса заставляло избегать их лексикографической обработки в одном массиве с апеллятивами. А о том, что интерес к специальному изучению онимов существовал уже в конце XVIII – начале XIX в., свидетельствуют, например, и дневники русских путешественников (П. И. Рычкова, И. И. Лепехина, П. С. Палласа, Г. Ф. Миллера и др.), и знаменитый «Лексикон» В. Н. Татищева (1793). Да и А. Х. Востоков обращался к именам собственным не только (да, пожалуй, и не столько) в связи с «пробуждением интереса к русской старине» (см. далее), но и как к возможности апробировать на этом специфическом материале сравнительно-исторический метод [ср.: Востоков, 1812].

Определяя место ономастики среди других дисциплин (кстати, странно, что эта проблема рассматривается в данном разделе, но здесь, очевидно, вопрос следует отнести к составителям, поскольку такое построение едино для всех языков), автор постулирует постепенный приход ученых к мысли об ономастике как лингвистической науке. Начальный период изучения собственных имен почему-то связывается с «пробуждением интереса к русской старине» (с. 12), при этом утверждается, что «тяга к славянским древностям отразилась в массовом присвоении детям имен *Владимир, Игорь, Всеволод, Глеб, Юрий, Светлана, Людмила*». Не будем оспаривать истинность этих утверждений, которые нуждаются хотя бы в каком-то фактическом подкреплении. Но должны ли мы интерес к собственным именам различных классов (антропонимам, топонимам), возникший у географов, историков и т. п., рассматривать как возникновение самостоятельной науки? Ведь существование имен собственных – объективный факт, древний, как мир, а не следствие чьего-либо интереса. Вопрос не в том, кого интересуют собственные имена (а они интересуют всех), а в том, когда этот интерес становится научным, когда появляются специальные научные методы анализа ономастического материала. И ономастика как лингвистическая наука возникла не потому, что «некоторые ученые по своей инициативе занялись планомерным сбором ономастического материала» (с. 13), а потому, что именно лингвисты продемонстрировали способность извлекать из имен собственную информацию, важную и для историков, и для географов, и для самих себя.

Характеристика основных достижений в области российской ономастики в разделе фактически отсутствует. Что отмечено автором? Что была создана Топонимическая комиссия, что в некоторых городах страны выпускаются различные сборники и монографии, посвященные ономастике. Это все (см. с. 14–15). А чего добились Топонимическая комиссия, о чем были сборники, как они развивали науку, не сказано ни слова. Что касается современного периода, то автору он представляется в черном свете: «молодежь перестала интересоваться ономастикой; появилось много псевдонаучных книг» (с. 15). Между тем ономастические центры в Барнауле, Волгограде, Вологде, Екатеринбурге, Перми, Петрозаводске продолжают существовать, ведется полевой сбор ономастического материала, ищутся новые источники изучения собственных имен, публикуются сборники и монографии, защищаются кандидатские и докторские диссертации по ономастике, проводятся конференции (в частности, регулярные конференции «Ономастика Поволжья»), совершенствуется методика сбора и анализа собственных имен. Зачем же на весь славянский мир демонстрировать свое незнание современного состояния ономатологии в России да еще и рисовать столь мрачную картину?!

Завершает раздел характеристика наиболее выдающихся ученых, в качестве которых представлены А. А. Реформатский (1900–1978), А. П. Дульзон (1900–1973) и Э. М. Мурзаев (1908–1998). Это действительно столпы отечественной науки, хотя назвать их именно ономатологами, определяющими направление развития ономастики, трудно. К тому же все трое ушли из жизни в прошлом веке.

В целом содержание данного раздела создает впечатление лишь о каких-то зачатках науки, проявляющихся в решении служебных задач: орфография, лексикография и т. п. Глухие упоминания о том, что где-то издаются какие-то сборники, не улучшает картину.

Ономастические теории. Упомянув несколько имен (А. А. Реформатский, В. Н. Топоров, А. В. Суперанская, В. И. Болотов), автор сосредоточивается на типологии имен собственных, характеризуя ее на основании «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской. Насколько вопрос о классах собственных имен решает и исчерпывает вопросы теории ономастики, предоставим судить читателю.

Методы исследования и их эволюция. Основная мысль автора в этом разделе – «все отрасли ономастической науки используют преимущественно лингвистические методы» (с. 68). Трудно спорить. Но в энциклопедии, посвященной ономастике, было бы более уместно выявить собственно ономастическую специфику. Между тем эта специфика никак не обнаруживается, ср.: «Ономастическая этимология выводит лексемы, входящие в состав

собственных имен на уровень апеллятивов (?). Сопоставительный метод позволяет сравнивать данные отдельных языков и территорий, выявлять мотивировку имен, их модели. Ареальный метод помогает выявлению распространения отдельных топонимов и топонимов. Ретрогрессивный метод способствует реконструкции древнего фонетико-морфологического облика топонимов путем удаления их более поздних напластований» (с. 68).

Далее перечислены разделы ономастики, в том числе (наряду с теоретической, описательной, прикладной, литературной и исторической) упоминается «этническая ономастика», которая, судя по приведенному определению, должна быть посвящена изучению этнонимов (с. 67–68) – такое внимание именно к данному классу имен не вполне понятно: ведь и другие онимы могут исследоваться в интересах этнологии.

В этом же разделе предписывалось определить связь отечественных методов с достижениями ученых-ономастологов других стран. Автор ограничивается указанием на некоторые основополагающие философские и лингвистические труды, а именно работы Т. Гоббса, Г. В. Лейбница, А. Гардинера, Ф. де Соссюра, К. Бюлера, Л. В. Щербы, А. И. Смирнитского, Н. С. Трубецкого. Каким образом эти труды связаны с ономастикой, не раскрывается.

Ономастическая терминология. Поскольку автор счел возможным и необходимым говорить о терминологии в разделе, посвященном теоретической ономастике, тут ему остается только повториться.

Состояние исследований. Автор вновь обращается к истории ономастики, перечисляет исторические и толковые дореволюционные словари, в очередной раз сетуя на отсутствие в большинстве из них ономастического материала и почему-то забывая о целом ряде специальных ономастических словарей, вышедших в XX в. (с. 104). Странно утверждение, что «в настоящее время основное внимание обращено на анализ письменных памятников» (Там же). Создается впечатление, что о существовании полевых сборов ономастического материала автор и не подозревает – по крайней мере, здесь об этом не упоминается.

Этимология имен. Если верить автору, этимология имен нереальна. Занимаясь ею, «исследователь ступает на зыбкую почву вероятностной ономастики» (с. 135). Судя по всему, автор не знаком с работами А. К. Матвеева, Ю. В. Откупщикова, Ю. И. Чайкиной, Е. Н. Поляковой, да и А. П. Дульзона, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева знает только по фамилиям. И само выделение данного раздела в энциклопедию кажется ему непонятным.

Дославянские и славянские имена. Про славянские имена автор не говорит вообще ничего. Очевидно, их нет. Или ввиду невозможности заниматься этимологией, их все равно не найти. Упоминаются балтийские гидронимы (со ссылкой на В. Н. Топорова), называются некоторые (тюркский, монгольский, финно-угорский) пласты неиндоевропейских топонимов и антропонимов. Как удалось провести работу по выявлению разноязычных пластов ономастики без этимологической интерпретации, автор не задумывается.

Иноязычные влияния: субстратные, адстратные, суперстратные. В принципе, разговор об этом уже был начат в предыдущем разделе (иначе что имеется в виду под «дославянскими именами»?) – это можно признать структурным просчетом составителей. В то же время вопрос о субстрате в ономастике нуждается в особом разговоре [ср., например: Матвеев, 1993]. Не совсем ясно, что автор понимает под суперстратными проявлениями: являются ли таковыми имена типа *Жюли* и *Александрин* или это факт адстрата?

Имена в пограничных районах (этнических и языковых). Из данного раздела мы прежде всего узнаем, что на Украине говорят по-украински и топонимы создают на том же языке. А в России все на русском языке. По-русски *большой*, по-украински – *великий*, по-русски *красный*, по-украински – *червоний*. Славяно-неславянские проникновения характеризуются на примере названий *Актюбинск*, *Семипалатинск* и *Семиречье*. Ну, а в целом «даже там, где русские компактно проживали 400 лет и более ... названия рек, озер, урочищ, хотя и русифицированные, в основе своей не русские» (с. 231). Другими словами, автор, очевидно, считает такие названия как р. *Ольховка* или *Талица*, ур. *У Кривой Сосны* или *Веселье Горки*, оз. *Долгое* или *Глухое* русифицированными дославянскими? Стоит ли отказывать русскому народу в способности дать собственные имена окружающим его географическим реалиям? Тем более,

что любой полевой сбор обнаруживает неистощимое богатство русских микропонимов, возникших в разные эпохи, в том числе в настоящее время. Думается, даже автор когда-нибудь выступал в роли создателя хотя бы одного микропонима. А народу тут и карты в руки.

Политика и прагматика в области ономастики. Этот раздел, действительно новый для отечественной ономастики, в работе практически никак не представлен. Честнее было бы здесь написать, как это в таких случаях делается в энциклопедии, «*brak opracowania*». Текст изобилует бездоказательными утверждениями типа: «Прагматика была очень яркой в названиях внутригородских объектов (а в сельской микропонимии нет? – М. Р.)»; «Новые названия старых мест (*Краснотурьинск* Свердловской области, известный с XVIII в. как *Турьинские Рудники*, по р. Турья) создают впечатление, что это новостройки, т. е. искажают топонимическую и историческую картину» – а Краснотурьинск и есть новый город, выстроенный на месте старого поселения. Петр Первый тоже выстроил город на месте «приюта убогого чухонца», следовательно, он тоже исказил топонимическую и историческую картину, дав городу имя *Санкт-Петербург*?

Можно подытожить, что содержание российского компонента общих разделов энциклопедии основано на небольшом и, как правило, случайно скомпонованном корпусе ономастических исследований и ни в коей мере не отражает реальное состояние ономастических исследований в России.

Характеристика отдельных классов собственных имен, разворачивающаяся далее, создает естественные трудности у авторов энциклопедии: материал огромен, поэтому репрезентировать его в весьма ограниченных рамках энциклопедической статьи нелегко – невольно в результате получается скороговорка популярного толка.

В разделе «Антропонимия I. Личные имена» автор пытается выделить основные этапы формирования современного именного антропонимикона. Поскольку антропонимы достаточно хорошо изучены и плоды этого изучения отражены в многочисленной популярной литературе, возражений изложение в основном не вызывает. Тем не менее, кажется не совсем удачным использование термина «древнерусские имена» вместо привычного «дохристианские имена» (ведь и христианские имена бытовали в Древней Руси). Не вполне корректно и утверждение о том, что именно «древнерусские имена стали самыми массовыми основами русских фамилий» (с. 328) – статистика фамилий у нас пока очень плохо разработана [ср.: Журавлев, 2005]; к тому же не совсем понятно, идет ли речь о частотности фамилий с определенными основами или о количестве основ. Вряд ли можно назвать орфографию имен «фонетической» (с. 331) – очевидно, автор хотел сказать, что при регистрации имен часто допускались ошибочные написания, отражающие особенности их произношения. Удивляет отсутствие ссылок на А. М. Селищева и Н. А. Петровского в подразделе «Изученность. Вклад отдельных ученых». В разделе «Антропонимия II. Фамилии» А. М. Селищев явно также заслуживает упоминания, равно как и О. Н. Трубачев, Н. А. Баскаков, Е. Н. Полякова, чьи словари фамилий широко известны и включают в себя оригинальный и умело интерпретированный материал.

Последний раздел первого тома – «Антропонимия III. Другие имена» – представляется неудачным по самому своему замыслу, поскольку в него включены слишком разные классы собственных имен. В частности, в России этнонимия традиционно рассматривается как особый класс онимов, но трудно упрекнуть автора в том, что он следовал общим принципам построения книги. Жаль, что «за бортом» остались коллективные прозвища, имеющие своих исследователей в России.

Первые пять разделов второго тома, посвященные топонимии, также излишне кратки. Работ здесь очень много, и все аспекты изучения одного из самых популярных среди ономалогов классов собственных имен в столь небольшом объеме охватить просто невозможно. Отметим все же некоторые странности. Прежде всего это касается безапелляционного утверждения: «В нашей стране очень мало сделано для изучения микропонимии... Исследования ведутся благодаря энтузиазму отдельных ученых» (с. 154). Впрочем, данное мнение естественно для того, кто не подозревает о полевых сборах топонимического материала в

стране. Именно на микротопонимическом материале разрабатывались методы топонимических исследований А. К. Матвеева, методика извлечения этнокультурной информации из топонимии Е. Л. Березович, микротопонимия была в центре внимания И. А. Воробьевой, и эта традиция продолжается в трудах Л. М. Дмитриевой и ее учеников, интереснейшие примеры анализа микротопонимов мы находим в трудах пермских, вологодских, череповецких и петрозаводских лингвистов. Другое дело, что масштабы страны огромны, микротопонимия безбрежна и работа эта должна расширяться и продолжаться. А что при этом необходим «энтузиазм отдельных ученых» – таков общий закон научного прогресса, именно этот энтузиазм движет науку вперед.

Говоря об урбанонимии, автор откровенно сосредоточивается только на урбанонимии Москвы, к сожалению, упуская возможность сопоставления различных словарей городских объектов, вышедших в последнее время. Нет в разделе и упоминаний о неофициальной урбанонимии, существовавшей всегда и весьма активизировавшейся в последние годы.

Зоонимия во всех славянских странах является явно периферийным классом собственных имен. Россия не составляет исключения. Все же единственная упомянутая автором работа П. Т. Поротникова 1972 г. могла быть дополнена работами Н. П. Романовой по иппонимии.

Русская хрематонимия развивается весьма неравномерно, однако работы по прагмонимии (товарным знакам) и эргонимии уже достаточно многочисленны и могли бы найти отражение в статье этого раздела, в то время как описание других типов хрематонимов вполне можно было бы сократить. Отметим попутно, что вряд ли В. Мейерхольда можно назвать просто «известным драматическим актером» (с. 389).

Рассмотрением хрематонимов заканчивается обзор отдельных классов собственных имен. Можно пожалеть, что в энциклопедию не включены астронимы, достаточно активно изучаемые в таких славянских странах как Болгария, Польша, Россия, Украина.

В разделе «Имена собственные и социальная проблематика» ощущается некоторый повтор того, что уже рассматривалось в общих разделах первого тома. Автор русской главы привлекает весьма пестрый материал, в том числе не имеющий прямого отношения к собственным именам, например обращения (с. 419–420). Ряд утверждений просто непонятен. В частности: «Социальность имени собственного часто преувеличивают, пытаясь отнести ономастику к общественным наукам» (с. 418) – во-первых, преувеличить социальность имени собственного невозможно, поскольку имя рождается в социуме, отражает особенности и ценностные установки социума, поддерживается или отрицается социумом (и, кстати, перечисляя типичные имена разных сословий, автор сам это подтверждает); во-вторых, почему социальность имени означает, что ономастика относится к общественным наукам? Есть ведь еще такая наука как социолингвистика... Еще пример: «...[имена, предпочитаемые исламом] приобрели традиционные русские формы: *Ахмет, Магомет, Муслим, Муса, Лейла, Зулейка*. Но определить, к какой национальности принадлежит человек с таким именем, невозможно» (с. 421) – что здесь имеется в виду? Что невозможно определить, к какому тюркскому народу принадлежит человек, носящий такое имя? Или что такие имена могут носить русские люди? Иначе к чему разговор про «традиционно русские формы»? И в чем заключается эта традиционная «русскость»?

Рассматривая имена в художественной литературе (поэтонимы), автор почему-то избегает упоминаний имен современных ученых, занимающихся литературной ономастикой.

В разделе «Имена собственные и проблемы религии» речь идет прежде всего о теонимах и хрононимах, хотя проблемы религии так или иначе отражаются в каждом из разделов собственных имен.

Раздел «Изменения в онимии XX века» необычайно малосодержателен у всех славян. Отчасти это объясняется тем, что большинство особенностей нового времени уже отражено в других разделах, поэтому все статьи изобилуют отсылками.

Энциклопедия завершается библиографическими указателями для каждого языка. Для русской ономастики он катастрофически неполон. Очевидно, избирательность определяется

исходными установками составителей, однако в столь сжатом виде библиографический указатель просто теряет смысл. К тому же список русской ономастической литературы выглядит несколько устаревшим (из 35 указанных работ 26 вышли до 1990 г.).

Конечно, нельзя утверждать, что состояние отечественной (равно как и славянской в целом) ономастики прекрасно. Перед наукой о собственных именах стоит множество нерешенных проблем – как теоретических и методологических, так и прикладных. Однако все же современное положение далеко не так плачевно, как это представлено в русских главах обсуждаемой энциклопедии. Хочется надеяться, что адекватное описание состояния русской ономастики еще впереди. Тем более, что забытый автором первый опыт (хотя и не доведенный до завершения) энциклопедического словаря русской ономастики уже существует [Русская ономастика..., 1994].

Востоков А. Х. Задача любителям этимологии // Санкт-Петербургский вестник. 1812. № 2.
Журавлев А. Ф. К статистике русских фамилий // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 126–146.
Матвеев А. К. Субстрат и заимствование в топонимии // Вопр. языкознания. 1993. № 3. С. 86–95.
Русская ономастика и ономастика России: Словарь / Под ред. акад. РАН О. Н. Трубачева. М., 1994.

М. Э. Рут, докт. филол. наук, проф. кафедры
русского языка и общего языкознания Уральского
государственного университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)